

В статье анализируется концепция фронта Ф. Дж. Тёрнера и ее методологическое значение для изучения процессов колонизации. Разработка этой концепции была нацелена в первую очередь на объяснение уникальных особенностей национального исторического опыта США и отразила как подъем формирующегося национального самосознания американцев, так и выход Америки на передовые позиции в мировом экономическом развитии на рубеже XIX и XX вв. В то же время эта концепция в силу оригинальности исследовательского подхода и универсальной социологичности приобрела огромную популярность в научном мире, несмотря на острую критику ее недостатков в профессиональном сообществе американских историков. Концепция фронта стала широко использоваться историками других стран при анализе процессов колонизации в разных частях мировой ойкумены, однако самый беглый анализ использования понятия «фронт» показывает, что оно служит лишь общим и весьма условным маркером качественно различных вариантов колонизационного процесса и в силу этого получает весьма противоречивые толкования — часто без удержания главного смысла тёрнеровского концепта, который заключается в авангардной роли свободной самоорганизации хозяйственной и социальной жизни на вновь осваиваемых территориях. Это позволяет сделать вывод о том, что освоение концепции фронта современной мировой и российской историографией служит лишь начальным шагом для разработки адекватной исторической типологии различных национально-страновых вариантов колонизации и соответствующего круга понятий.

Ключевые слова: фронт, колонизация, граница, Фредерик Дж. Тёрнер, Соединенные Штаты Америки, историография, методология

Разработанная Фредериком Дж. Тёрнером концепция американского фронта, впервые представленная профессиональному сообществу историков в 1893 г., может быть отнесена к научным открытиям, чей фундаментальный и по-своему революционный характер определялся не столько нахождением новой сферы исторических исследований, сколько умением придать новый эвристический смысл той исторической эмпирии, которая была хорошо известна историкам с глубокой древности.

Сам американский фронт как предмет исследований не был, в строгом смысле, открытием Ф. Дж. Тёрнера. К началу 1890-х гг. уже был написан и издавался частями девяти-томный, эпический по охвату событий и лиц труд Френсиса Паркмана «Франция и Англия в Северной Америке», в котором суровые реалии раннего фронта колониальной эпохи, такие как предприимчивость и героизм пер-

вопроходцев-одиночек, стычки с индейцами, грубая простота занятий и быта первопоселенцев, характерный облик поселений-форпостов, в которых совмещались черты жилища и крепости, были описаны с необычайной подробностью.¹ В 1889 г. вышел в свет не менее знаменитый четырехтомный (в более позднем издании — шеститомный) труд Теодора Рузвельта «Покорение Запада», где тёрнеровский концепт фронта (включая представление о нем как о «подвижной» границе, скорее социальной и культурной, чем физической или политической) уже предвосхищен в выводах автора о рождении новой «американской расы» из опыта героических охотников, фермеров и борцов с «коварными индейцами», на свой страх и риск, с минимальной поддержкой от государства заполнявших, двигаясь «от фронта к фронту», пропасть между дикостью и цивилизацией.²

Заслугой Ф. Дж. Тёрнера, вероятно, можно считать выработку обобщенного, целостно-

Зубков Константин Иванович — к.и.н., зав. сектором методологии и историографии, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00427А «Фронтальная модернизация в России имперского периода: модели развития и закономерности трансформации» (рук. И. В. Побережников)

¹ См.: Parkman F. France and England in North America. A Series of Historical Narratives. Boston, 1892. Pt. 6, vol. 1. P. 36–40; Boston, 1910. Pt. 7, vol. 2. P. 230, 231.

² См.: Roosevelt T. The Winning of the West. An Account of the Exploration and Settlement of Our Country from the Alleghanies to the Pacific. New York; London, 1908. Vol. 6. P. 194.

системного взгляда на фронтир как на определяющую черту национального опыта США, а именно — как на *особый тип развития*, в рамках которого происходило «не только восходящее движение в виде сплошной линии, но и возврат к примитивным условиям жизни на непрерывно продвигающейся вперед черте поселения».³ Это означало, по существу, «вечное возрождение», постоянно возобновляемый *социальный эксперимент*, приводящий человека определенной стадии развития цивилизации в соприкосновение с «простотой примитивного общества», если не с дикой природой в ее первозданном виде. В зоне этого контакта цивилизации и дикости — в условиях столь редкой для социального индивида свободы, при широте открывающихся возможностей, но в то же время при редуцирующей силе воздействия на человека суровой природы, — вырабатываются новые, оригинальные формы социальной жизни, новое состояние духа. С каждой волной колониационного движения, по мере того как фронтир превращается в цивилизованную местность, формируется новый фронтир, который преемственно удерживает в себе мотивацию к дальнейшей экспансии и предшествующий накопленный опыт, не теряя способности адаптироваться к изменившимся условиям среды, — так, согласно Тёрнеру, при возрастающей множественности фронтирных практик общий строй социальной жизни границы всё больше удаляется от своего исходного прототипа, когда-то давшего первотолчок колониационному движению. В этом смысле непрерывность фронтирных зон «пропускает» через себя все стадии исторической эволюции и все исторические типы освоителей, воплощая как бы заново проживаемую историческую жизнь.

На фоне своей эпохи тёрнеровская концепция видится вполне двойственной. Сам Ф. Дж. Тёрнер настаивал на том, что его концепция фронта — *сугубо американская*, призванная дать прежде всего новое понимание наиболее существенных особенностей истории США, разительно отличающих ее от истории Европы и даже от истории европейских колониальных предприятий. Самым существенным выводом своей концепции он считал идею Америки как *особой геосоциальной сущности*, как самобытной молодой нации, возникшей

на основе институтов, не столько восходящих к «тевтонским» корням, сколько заново созданных под воздействием природной среды Америки и в ходе ее непрерывной колонизации. В этом отношении, как отмечает М. Уолш, творчество Ф. Дж. Тёрнера явилось ярким историографическим отражением зарождавшегося в 1880–1890-х гг. американского национализма, который как раз первоначально принимал форму нарочитой демонстрации своих собственных «внутренних — возможно, даже уникальных — источников роста».⁴ Позднее факт самобытности Америки как цивилизации уже вполне разделяется и европейцами. Говоря о кризисе Европы и о грядущей «американизации» мира, Г. фон Кайзерлинг в своем философском эссе «Америка» (1930) рассуждал вполне по-тёрнеровски, отмечая, что физический отрыв американского первopоселенца от Европы привел к тому, что основная масса американцев теряла действительную связь с европейской культурной традицией. Это сделало американца менее одухотворенным существом, но зато компенсировало этот недостаток избытком жизненной энергии и самоуверенности, «общематериальным» — деловым и техническим — динамизмом несколько примитивного свойства, свидетельствуя о рождении в лице Америки новой цивилизации и нового типа человека.⁵ Тёрнер приписывает американскому характеру, по сути, те же черты, воспевая грубость и силу, соединенную с любознательностью, «практический, избретательный склад ума», «мастерское понимание сути материального мира, лишненное артистизма, но мощное в достижении великих целей»⁶ — с той только разницей, что он говорит с патриотическим восторгом о том, по поводу чего европеец выражает снисходительное сожаление.

Для Тёрнера, таким образом, фронтир — это квинтэссенция американизма, «национализирующее движение», явление, связанное не с каким-либо региональным («секционным», по терминологии ученого) фрагментом американской истории, но с самим магистральным процессом зарождения и развития американской нации. Концентрация на фронтире жизненной энергии нации, непрерывная

³ Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009. С. 14.

⁴ Walsh M. The American Frontier Revisited. London; Basingstoke, 1981. P. 13.

⁵ См.: Кайзерлинг Г. фон. Америка. Заря Нового мира. СПб., 2002. С. 165.

⁶ Тёрнер Ф. Дж. Указ. соч. С. 39.

мобильность населения, особый социальный тип «человека фронта» (*frontiersman*) как носителя индивидуализма, демократического инстинкта и идеала «равных возможностей», огромная объединяющая роль освоенческой повестки для политической жизни нации (на фоне соперничества самых крупных «секций» — промышленного Севера и рабовладельческого Юга) — всё это факторы, которые, взрывая скорлупу провинциально-регионального партикуляризма, превращали Америку в крупную континентальную державу и одновременно интегрировали ценности фронта в культурно-политический код нации.

В то же время тёрнеровская концепция, разработанная для объяснения уникальных черт исторического опыта США, в XX в. с удивительной быстротой завоевала популярность в целом ряде стран, которые, как и Америка, могли претендовать на то, чтобы рассматривать колонизацию как значительный, если не определяющий, фактор своего исторического становления. (То, что Тёрнер писал о магистральной роли фронта в развитии США, поразительно созвучно тому, как В. О. Ключевский определял самую выдающуюся черту исторического опыта России: «История России есть история страны, которая колонизируется»⁷). М. Уолш объясняет это тем, что Ф. Дж. Тёрнер, будучи далеко не первым историком, черпавшим вдохновение в эпопее освоения американского Запада, был первым, кто, преодолев обаяние романтического нарратива (по определению, имманентно содержащего в себе черты самобытности), применил к ее исследованию более или менее строгий *аналитический* подход, делавший упор на социально-экономические факторы развития фронта.⁸ Эта оценка американской исследовательницы, в целом верно угадывая рубежное значение тёрнеровского подхода для понимания исторической роли фронта, в то же время несколько сужает его *общесоциологическое* содержание.

Исследовательский подход Тёрнера, методологию которого он сам попытался определить в одной из более поздних работ, отмечен подкупающей простотой исходных социологических посылок (чем, вероятно, можно объяснить ту относительную легкость, с которой его концепция стала применяться к опыту других

стран и народов). К фундаментальным, «особенно важным» (но не единственным) факторам, определяющим ход исторического развития конкретных обществ, Тёрнер относил прежде всего географические условия и тот наличный запас экономических ресурсов (*stocks*), которыми обладает данная природная среда. Природно-географическая среда во всем ее разнообразии, примат *места* перед временем и традицией неизменно присутствуют в его концепции в качестве основного фактора, проявляющего себя на всех уровнях детерминации феноменов общественной жизни. Если комплекс необходимых для жизни естественных ресурсов, согласно его представлениям, обуславливает все разнообразие *экономических интересов* (а с ними — и хозяйственных занятий населения), то сама окружающая природная среда определяет в главных чертах формирование *психологии* народа.⁹ Адаптационный «симбиоз» человека и среды, проявляющий себя уже на уровне отдельных региональных «секций», являлся, по Тёрнеру, первичным механизмом воспроизводства всего разнообразия социальных форм на вновь осваиваемых территориях. Говоря о фронтире, исследователь не только *описывает* его реалии, но и в существенной части *моделирует* его, в чем-то упрощая картину, доводя ее до чистоты лабораторного опыта, для того чтобы с большей убедительностью подчеркнуть главные исторические условия, сделавшие возможным существование фронта, — наличие массива свободных, незанятых земель и высокий, притягивающий население спрос на рабочие руки на этих редко населенных территориях. Как производное от этих условий, идеально мыслимый фронт — это еще и предельная свобода самоопределения индивида, чья предприимчивость и инициатива ограничены не столько внешним социальным контролем, сколько трудностями борьбы за существование в суровых условиях девственной природы. В таком понимании фронта можно усмотреть, среди прочего, влияние популярного в западной социологии конца XIX в. социального дарвинизма.

Каждый фронт, по мысли Тёрнера, с необходимостью порождает «секционализм» — известную замкнутость и самодостаточность провинциальной жизни, но это «секционализм»

⁷ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М., 1987. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. С. 50.

⁸ См.: Walsh M. Op. cit. P. 13.

⁹ См.: Turner F. J. Is Sectionalism in America Dying Away? // American Journal of Sociology. 1908. March. Vol. 13, № 5. P. 662.

особого рода — «мигрирующий», находящийся в непрерывном движении: прежде чем та или иная фронтальная территория «ассимилируется» в состав более старых, давно заселенных регионов со «сложным и развитым обществом», она успевает транслировать обстановку и дух фронта, энергетику колониационного движения (вместе с аккумулируемым в этом порыве человеческим элементом соответствующих качеств) дальше на запад, поддерживая тем самым плодотворную, исключительно полезную для оздоровления общественного организма напряженную оппозицию между интересами передовой границы освоения и интересами регионов старого заселения. Противопоставляя фронт старому «ядру» страны, Ф. Дж. Тёрнер фактически приходит к представлению о двух основных формах социального развития: одна из них реализуется через поступательный социальный прогресс, путем социально-культурных накоплений на относительно неизменной, стационарной территориальной базе («консолидированное и комплексное индустриальное развитие», «сложное и развитое общество»); другая — связана с *пространственной мобильностью*, которая постоянно возвращает человека к примитивным условиям существования на границе, но вместе с тем открывает множество новых возможностей для его социальной самореализации.¹⁰

Своей популярностью за пределами США тёрнеровская концепция во многом обязана не только простоте и социологичности лежащих в ее основе теоретических построений (которые, кстати, очень точно отвечали состоянию научных знаний своего времени), но и *своевременности* своего появления. Сам Тёрнер открывал свой главный труд и объяснял его появление констатацией *завершения* фронта как «великого исторического движения» (по крайней мере, на американской территории), в связи с чем впервые и возникла возможность обозреть в целостном виде и осмыслить исторические последствия колонизации американского Запада. В других странах, в частности в России, колонизация только набирала свой темп и была еще далека от завершения. В России интенсивность колониационного движения за Урал достигла своего пика в 1906–1910 гг., когда ежегодно туда пе-

реселялось в среднем около 500 тыс. человек.¹¹ При этом, что очень важно, российская колонизация зауральских территорий (прежде всего Сибири и Степного края) в этот период уже не сводилась только к крестьянским переселениям, но несла в себе черты общего, довольно разностороннего экономического оживления, выразившегося в развитии железнодорожного и водного транспорта, в превращении городов в крупные торговые центры, в возникновении крупных предпринимательских хозяйств в аграрной сфере, в росте перерабатывающей промышленности и ремесла,¹² — словом, в воссоздании той «множественности» фронтов («фронты торговцев, скотоводов, горняков, фермеров» и т. п.), которая отличала колонизацию американского Запада. Обнаруживалось принципиальное сходство с этим явлением колониационных практик не только в Сибири, но и в других частях света — Маньчжурии, Аргентине, Австралии, Канаде, Южной Африке.¹³ Несмотря на это, в то время, когда Тёрнер писал свое epochальное произведение, колонизацию во *всемирно-историческом масштабе* — колонизацию как историю становления новых государств, территория которых прирастала частями по мере продвижения фронта, — можно было действительно считать уже в основном завершившейся эпохой. Глобальную сцену характеризовала теперь совершенно новая ситуация: возник так называемый эффект «уплотнения» мира, который подразумевал, что все части мира, представляющие какую-либо экономическую или политическую ценность, теперь не только открыты и исследованы, но и *поделены* между ведущими государствами. Характерно, что российские теоретики колониационной политики на этом основании очень четко отличали колониальные предприятия европейских держав от русской колонизации Сибири: если первые, по общему правилу, оборачивались формированием *новых государств*, то в России переселения были уже колонизацией *внутри сложившейся государственной территории*, т. е. явлением скорее «внутреннего

¹¹ См.: Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. и Отчет по переселению и землеустройству за 1910 год / Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия. СПб., 1911. С. 2.

¹² См.: Чиркин Г. О задачах колониационной политики в Сибири // Вопросы колонизации: Период. сб. СПб., 1911. С. 4, 5.

¹³ См.: Белич Дж. Расцветающий фронт: бум и крах в истории поселенческих обществ XIX века // Естественные эксперименты в истории: пер. с англ. М., 2018. С. 71–117.

¹⁰ Ibid. P. 663.

народного быта, имеющим значение простого перехода из одних мест в другие». ¹⁴ Немецкий геополитик К. Хаусхофер в своем известном труде «Границы в их географическом и политическом значении» (1927) ссылается на труды Тёрнера, обсуждавшего «проблему политической организации при избытке свободных земель», как на что-то уже бесконечно далекое от понимания европейских народов. ¹⁵

Как это ни парадоксально, но именно в это время, когда владения различных государств приобрели устойчивые очертания, а их границы были политически закреплены, вопрос о природе и сущности границ, о закономерностях их формирования приобрел невиданную прежде остроту — как в политическом, так и в научном плане. При этом речь шла, конечно, не о границах как линиях, прочерченных на политической карте, но о границах в новом, практически «фронтирном», понимании — как о подвижной области более интенсивной социальной жизни, удостоверяющей фактом своего существования стремление и способность народов к экспансии и расширению своих экономических и культурных возможностей, как о поле борьбы не только между народами, но и с силами природы. В таком прочтении подвижная граница выступала индикатором силы и динамизма развивающихся обществ.

Необходимо указать также, что популярность концепции Тёрнера была связана и с принципиальным изменением роли США в мире. Если до конца XIX в. всё, что так или иначе было связано с Америкой, находилось на периферии интересов европоцентричного мира, то стремительное превращение США в ведущую экономическую державу мира поставило американский исторический опыт в центр мирового внимания, сделало его референтной моделью, на которую стали равняться многие страны, оценивая свои шансы на развитие. Выражение «американизация», «американские темпы» становились всё более употребительными метафорами при характеристике динамично развивающихся обществ.

Между тем сама концепция фронта после непродолжительного периода популярности встретила не только одобрение, но и множество критических замечаний, прежде всего со стороны специалистов по экономической истории США, т. е. тех ученых, которые были

детально знакомы с предметом исследования. Эта критика, явственно зазвучавшая в годы Великой Депрессии, достигла своего пика в 1950–1960-х гг. Краткий, но емкий и информативный историографический очерк М. Уолш избавляет нас от необходимости упоминать все многочисленные работы, которые содержали критику концепции Тёрнера, но есть смысл выделить в этом вале критики главные моменты, которые имеют отношение и к современному восприятию концепции фронта.

Ф. Дж. Тёрнера упрекали в том, что он дал хотя и «динамическую» (в части увязки истории «подвижной границы» с историей всей страны), не лишённую интеллектуальной остроты, но слишком упрощённую, страдающую чрезмерной обобщённостью интерпретацию истории колонизации Запада, отвечающую больше идеологической потребности американцев иметь *собственную*, отличную от других историю, чем критериям строгого научного анализа. Хотя Тёрнеру удалось убедительно показать, как история фронта на каждом ее этапе сообщалась с развитием страны, его критиковали за отсутствие в его построениях подлинного историзма или, по крайней мере, за механистичность его понимания. Статичность его концепции придавали, с одной стороны, преувеличение влияния природной среды, а с другой — игнорирование роли континуитета и традиции (включая и тот культурный опыт, который приносили с собой на границу иммигранты). Схематизм тёрнеровской концепции не позволил вместить в ее рамки несколько важнейших тем, интерпретация которых нуждалась в выявлении их собственной исторической логики, но без которых история колонизации американского Запада была бы заведомо неполной (классовая борьба, закономерности развития капиталистического хозяйства, роль технологий, модели урбанизации и т. п.). (Характерно, что концепция Тёрнера находила позитивный отклик в большей степени у историков бихевиористского направления, высоко оценивавших его антропологическую модель формирования «человека фронта», чем у историков-экономистов.) Каждому тезису Тёрнера его критики с легкостью находили эмпирическое опровержение: так, выяснялось, что движение населения на Запад далеко не всегда выполняло роль «предохранительного клапана», что земля в зоне фронта не была бесплатной, а возможности — равными, что

¹⁴ Чиркин Г. Указ. соч. С. 2.

¹⁵ Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М., 2001. С. 49.

демократический уклад жизни часто соседствовал там с вопиющими проявлениями олигархизма. Наконец, было признано, что даже на американском Западе никакой *единой модели* фронта в реальности не существовало: колониальный процесс с неизбежностью дробился на множество локальных вариантов.¹⁶

Дебаты вокруг тёрнеровской концепции фронта и, в еще большей степени, удивительное, на первый взгляд, триумфальное ее распространение за пределами США поднимают очень важный методологический вопрос: как мы должны мыслить ту или иную *историческую теорию* — как предельное обобщение всего эмпирического многообразия сходных исторических явлений и процессов или же преимущественно как методологический инструментальный исследования? За последние несколько десятилетий сформировался огромный массив научной литературы, посвященной истории разнообразных национально-страновых «фронтов» и охватывающей рамками этой темы практически все континенты и части света. (В небольшой статье нет возможности даже бегло осветить богатейшую историографию этой проблемы.) Однако при этом обращает на себя внимание один примечательный факт: в большинстве случаев широко употребляемое понятие «фронт» служит весьма условным маркером для обозначения (а порой и для претензий на полный эмпирический охват) хозяйственной, социальной, политической и культурной специфики окраинных и пограничных территорий и часто, в силу такой пластичности, лишается того вполне определенного социально-исторического смысла, который в него вкладывал Ф. Дж. Тёрнер.

Приведем лишь отдельные примеры. В одних случаях фронт отождествляется с «плюральными» колониальными обществами, чья социальная композиция сформирована — частью насильственно, частью на основе добровольной эмиграции — под «эксплуатационный» профиль местной экономики;¹⁷ в других — он обретает четкую географическую и хронологическую привязку, обозна-

чая «внешние пределы» распространения на неевропейский мир индивидуалистической, сформированной в эпоху Ренессанса модели «европейской цивилизации»;¹⁸ в третьих — перед нами предстает просто «часть страны, граничащая с другой страной», полузабытая окраина государства, с трудом удерживаемая в его лоне «точечным» военным и миссионерским присутствием и потому легко становящаяся объектом более сильного — классического, в тёрнеровском смысле, — «фронтирного» натиска («дрейфующий фронт»);¹⁹ Заметные различия наблюдаются в характеристиках «фронтирности» применительно к российской истории. Описывая русский степной фронт XVI–XVIII вв., М. Ходарковский, приближаясь к тёрнеровскому его пониманию, определяет его как недемаркированную пограничную зону, отделяющую государственно-организованное общество от народов с более примитивной (как правило, безгосударственной) социальной организацией и сохраняющую «многослойность» разных, часто не пересекающихся типов границ (политических, военных, административных, религиозных и т. п.). (На этом основании автор считает возможным говорить лишь о южном и восточном фронтах России.)²⁰ Дж. П. ЛеДонне в своем анализе имперского периода истории России использует максимально широкое и гораздо менее четкое определение фронта, характеризуя его как постоянно перемещающуюся проблемную «маргинальную» зону военно-политического и культурного столкновения между государственными «центрами силы», обладающими мощным потенциалом экспансии (*core areas*). (Поэтому автор констатирует наличие у России фронтирных зон фактически по всему периметру ее границ.)²¹ Безусловно, при всей разности понимания сущности фронта, все вышеприведенные определения в той или иной степени улавливают его отдельные специфические признаки, но часто проходят мимо главного смысла тёрнеровского концепта, заключающегося в признании авангардной

¹⁶ Walsh M. Op. cit. P. 14, 15. Историографический анализ М. Уолш имеет некоторые параллели с тем, как концепция Тёрнера и основные пункты ее критики освещались в советской историографии. См., напр.: Демиховский М. В. О «подвижной границе» и государственных землях США // Основные проблемы истории США в американской историографии. М., 1971. С. 180–215.

¹⁷ См.: Lier R. A. J. van. Frontier Society: A Social Analysis of the History of Surinam. The Hague, 1971. P. 5, 9.

¹⁸ См.: Eccles W. J. The Canadian Frontier, 1534–1760. Albuquerque, 1983. P. 1.

¹⁹ См.: Weber D. J. The Mexican Frontier, 1821–1846: The American Southwest Under Mexico. Albuquerque, 1983. P. 277.

²⁰ См.: Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington; Indianapolis, 2004. P. 48, 50.

²¹ См.: LeDonne J. P. The Russian Empire and the World, 1700–1917: The Geopolitics of Expansion and Containment. New York; Oxford, 1997. P. 6, 7.

роли *свободных* форм организации хозяйственной и социальной жизни на осваиваемой границе.

Приведенный выше краткий экскурс в историографическое осмысление понятия «фронтир» со всеми присущими ему разночтениями может быть отнесен с большой степенью релевантности к характеристике постсоветской российской историографии по этой проблеме. Оттолкнувшись от первых попыток сопоставления колонизации Сибири с американским фронтиром,²² российские историки стали активно применять фронтирный подход для характеристики колонизационных процессов не только в Сибири,²³ но и в других частях расширяющейся имперской территории. Свои «фронтиры» были обнаружены историками в Поволжье,²⁴ на Северном Кавказе²⁵ и Дальнем Востоке.²⁶ С помощью концепта «фронтир» российским историкам удалось довольно полно и всесторонне отобразить специфику хозяйственных укладов и социальных отношений на вновь осваиваемых территориях, способы адаптации переселенцев к новым природным условиям, своеобразие культурно-цивилизационных взаимодействий на передовой границе освоения, полувоенную организацию жизни на окраинах — словом, всё то, что эмпирически, в зримых реалиях, могло отличать вновь осваиваемую территорию от обжитого исторического центра страны.

Однако нам представляется, что далеко не вся историческая специфика освоения российских окраин может быть безоговорочно соотнесена с эвристическим смыслом тёрнеровского понимания фронта. Акцент на отличиях российской колонизации от американской, кстати говоря, был уже довольно общим местом в ретроспективных оценках российских теоретиков колонизации — и именно

в тот период, когда вызванный мощными волнами крестьянских переселений экономический подъем Сибири в начале XX в. максимально приблизился по своей внутренней социальной сущности к освоению американского Запада. Необходимо иметь в виду, что в российских процессах колонизации ее вольно-народный, добровольно перетекающий на окраины элемент настолько тесно переплетался с правительственной (подчас принудительной в своей основе) политикой переселений, что выделить аутентичную «фронтирную» составляющую в этом общем потоке представляется весьма затруднительным. Обращалось, в частности, внимание на то, что на ранних этапах русская колонизация Сибири не столько формировала территорию страны перемещающимся фронтом экономической экспансии (как в Америке), сколько заполняла ее весьма слабыми ручейками, закрепляя *политически* то пространство, границы которого уже были определены военно-завоевательными мероприятиями правительства. Это не исключало, конечно, известной авангардной роли свободно-колонизационного элемента, например предприимчивых «промышленных людей» XVII в., в расширении государственной территории (вероятно, только эту линию активности и можно с полным основанием относить к проявлениям «фронтирной» динамики в эту самую раннюю эпоху колонизации). Поэтому и главное содержание колонизации сводилось, по существу, «к более правильному и равномерному самораспределению» населения по государственной территории²⁷ — часто в том виде, в каком его понимало правительство. Необходимо также обратить внимание и на то, что растянутые во времени, недостаточно интенсивные колонизационные процессы в Сибири (за 200 лет, к концу XVIII в., население на ее громадной территории достигло лишь 900 тыс. чел.) длительное время (практически до конца XIX в.) не могли достигнуть того критического значения *массовой* колонизации, при которой начинают в полную силу «работать» все элементы и эффекты «фронтирной» экономической динамики (включая прежде всего зарождение новых, передовых экономических форм). Под этим углом зрения необходимо видеть обратную историческую последовательность

²² См., напр.: Американский и сибирский фронтир: материалы междунар. науч. конф. «Американский и сибирский фронтир (фактор границы в американской и сибирской истории)». Томск, 1996.

²³ См.: Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. Вып. 1; Хромых А. С. Сибирский фронтир. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея: (последняя треть XVI — первая четверть XVII века). Красноярск, 2012; и др.

²⁴ См.: Дубман Э. Л. Поволжский фронтир в середине XVI–XVII вв. Очерки истории. Самара, 2012.

²⁵ См.: Шебзухова Т. А., Берберова Е. Г. Северокавказский фронтир Российской империи. М., 2015.

²⁶ См.: Чернавская В. Н. «Восточный фронтир» России XVII — начала XVIII века: Историко-историографические очерки. Владивосток, 2003.

²⁷ Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом / Комитет Сибирской железной дороги. СПб., 1900. С. I.

многих колониционных начинаний, принимавшихся в России и Америке. Так, пионерная роль американских железных дорог, строившихся прежде всего для того, чтобы открыть «шлюзы» мощному колониционному потоку, в известном смысле контрастирует со значением прокладки Транссибирской железнодорожной магистрали, осуществленной первоначально исключительно в стратегических видах правительства и лишь позднее осознанной в качестве мощного средства ускорения колониционной динамики.²⁸ Таких примечательных несовпадений можно обнаружить довольно много, и все они позволяют сделать предварительный вывод о том, что русская колонизация отличалась гораздо более сложным

и гетерогенным характером, чтобы ее можно было во всем объеме подвести под модель американского фронта.

Это позволяет высветить главную, на наш взгляд, методологическую проблему, связанную с изучением процессов освоения новых территорий, — неразработанность их адекватной исторической типологии и терминологического тезауруса, позволяющего фиксировать во всемирно-историческом колониционном макропроцессе своеобразие отдельных типов обществ и различных периодов. Включение концепта «фронт» в арсенал современной российской историографии поэтому можно считать лишь первым шагом в нужном направлении поиска.

Konstantin I. Zubkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

FRONTIER AS A RESEARCH PARADIGM

The article is a study of the frontier concept offered by F. J. Turner and its methodological value for the study of the colonization processes. The author developed the concept primarily as a tool for the understanding of the unique aspects of the national historical experience of the USA and reflected both the rise of the Americans' emerging national identity awareness, and the rise of the USA to the leading positions in the global economic development at the turn of the 19th and the 20th centuries. At the same time the concept owing to the originality of the academic approach and its universal sociocentric simplicity gained tremendous popularity in the academic literature despite a severe criticism of its flaws by the professional community of the American historians. The frontier concept was widely used by the historians in other countries for the analysis of the processes of colonization in various parts of the global oecumene, however even the very superfluous examination of the notion of "frontier" demonstrated that it served only as a common, and a very conventional at that, marker of the qualitatively different versions of the colonization process, and as such was prone to various rather controversial interpretations — often failing to stick to the main idea of the Turner's concept, the meaning of which was the ground-breaking role of the free self-organization of the economic and social life in the recently colonized territories. The author draws a conclusion that the wide use of the frontier concept in the modern global and Russian historiography should be treated as only an initial step in the elaboration of an adequate historical typology of various national and country-specific colonization patterns as well as of a respective group of notions.

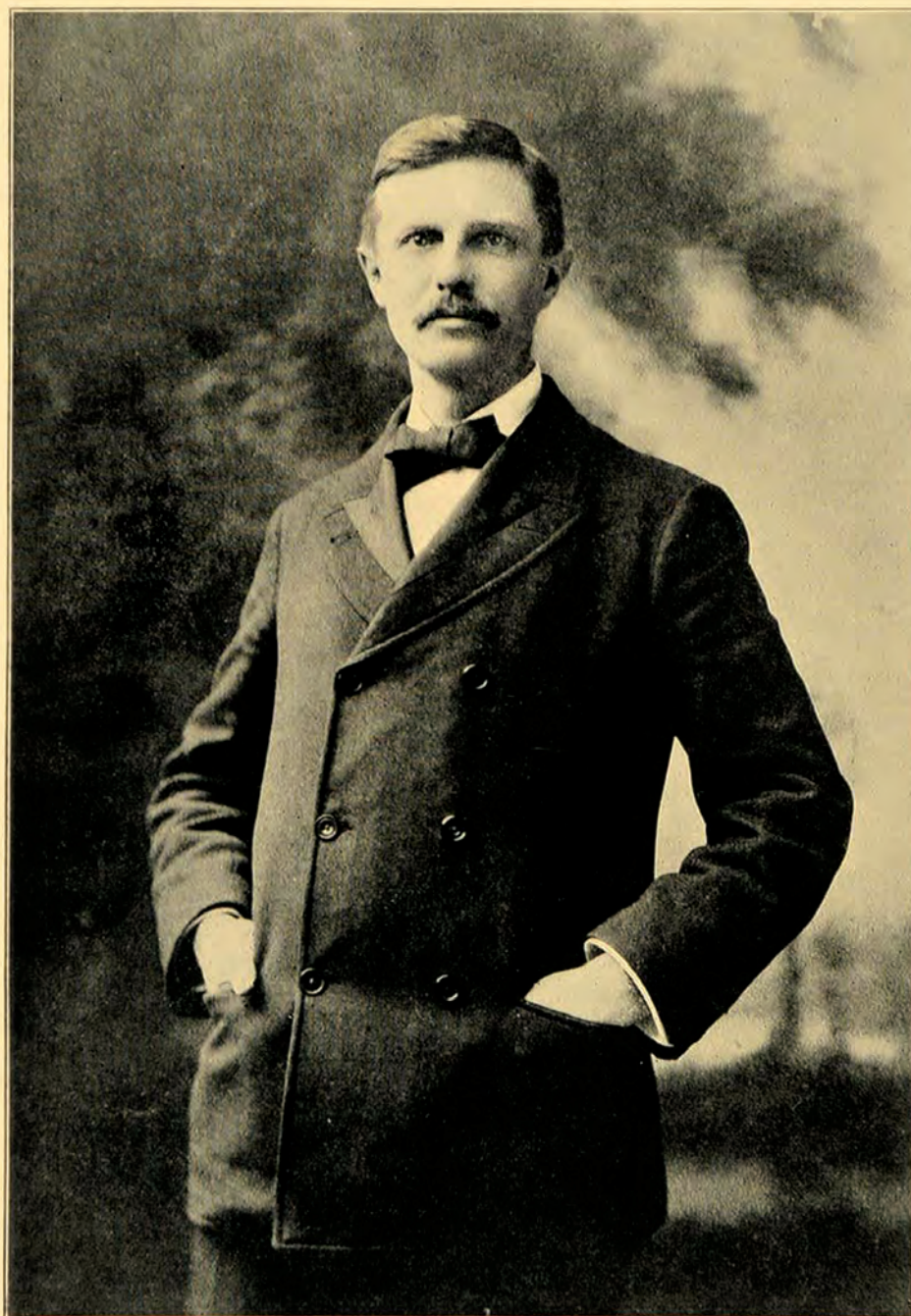
Keywords: *frontier, colonization, border, Frederick J. Turner, United States of America, historiography, methodology*

REFERENCES

- Ageev A. D. *Sibir i amerikanskiy Zapad: dvizhenie frontirov* [Siberia and the American West: the frontier movement]. Moscow: Aspekt-Press Publ., 2005, 330 p. (in Russ.).
- Amerikanskiye issledovaniya v Sibiri: materialy mezhdunar. nauch. konf. "Amerikanskiy i sibirskiy frontir (faktor granitsy v amerikanskoj i sibirskoj istorii)"* [American Studies in Siberia: materials of the Intern. scien. conf. "The American and Siberian frontier (the border factor in American and Siberian history)"]. Tomsk: Izd-vo Toms. un-ta Publ., 1997, iss. 2, 304 p. (in Russ.).

²⁸ См.: Сахаров А. Колонизация и пути сообщения // Очередные вопросы колонизации. Пг., 1919. Вып. 1: Север Европейской России. С. 18, 19.

- Belich Dzh.** [A burgeoning frontier: a boom and a collapse in the history of 19th century settlement societies]. *Estestvennye eksperimenty v istorii* [Natural Experiments in History]. Moscow: AST Publ., 2018, pp. 71–117. (in Russ.).
- Chernavskaya V. N.** «*Vostochnyy frontir*» Rossii XVII — nachala XVIII veka: *Istoriko-istoriograficheskie ocherki* [“Eastern Frontier” Russia 17th — early 18th century: Historical and historiographical essays]. Vladivostok: Dalnauka Publ., 2003, 175 p. (in Russ.).
- Demikhovskiy M. V.** [On the “moving border” and state lands of the United States]. *Osnovnye problemy istorii SShA v amerikanskoj istoriografii* [The main problems of USA history in American historiography]. Moscow: Nauka Publ., 1971, pp. 180–215. (in Russ.).
- Dubman E. L.** *Povolzhskiy frontir v seredine XVI–XVII vv. Ocherki istorii* [Volga frontier in the middle of the 16th–17th centuries. History essays]. Samara: SamGU Publ., 2012, 235 p. (in Russ.).
- Eccles W. J.** *The Canadian Frontier, 1534–1760*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1983, 238 p. (in English).
- Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshcheye i osobennoye** [Frontier in the history of Siberia and North America in the 17th–20th centuries: the general and the particular]. Novosibirsk: II SO RAN Publ., 2001, iss. 1, 113 p. (in Russ.).
- Keyserling H. von.** *Amerika. Zarya Novogo mira* [America. Dawn of the New World]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2002, 530 p. (in Russ.).
- Khodarkovsky M.** *Russia’s Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2004, 290 p. (in English).
- Khromykh A. S.** *Sibirskiy frontir. Vstrecha tsivilizatsiy ot Urala do Yeniseya: (poslednyaya tret XVI — pervaya chetvert XVII veka)* [Siberian frontier. Meeting of civilizations from the Urals to the Yenisei: (the last third of the 16th — the first quarter of the 17th century)]. Krasnoyarsk: KGPU Publ., 2012, 308 p. (in Russ.).
- LeDonne J. P.** *The Russian Empire and the World, 1700–1917: The Geopolitics of Expansion and Containment*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1997, 394 p. (in English).
- Lier R. A. J. van.** *Frontier Society: A Social Analysis of the History of Surinam*. The Hague: Martinus Nijhoof, 1971, 441 p. (in English).
- Shebzukhova T. A., Berberova E. G.** *Severokavkazskiy frontir Rossiyskoy imperii* [North Caucasian frontier of the Russian Empire]. Moscow: TsIUMiNL Publ., 2015, 222 p. (in Russ.).
- Walsh M.** *The American Frontier Revisited*. London; Basingstoke: The Macmillan Press Ltd., 1981, 88 p. (in English).
- Weber D. J.** *The Mexican Frontier, 1821–1846: The American Southwest Under Mexico*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1983, 416 p. (in English).

FREDERICK JACKSON TURNER

About 1892

Фредерик Джексон Тёрнер (1861–1932). Фото, около 1892 г.

«Американский прогресс». Художник Дж. Гаст, 1872 г. Хромолитография.
Отдел эстампов и фотографий Библиотеки Конгресса США

«Дэниел Бун ведет переселенцев через Камберлендский проход».
Художник Дж. К. Бингхэм, 1851 г. Холст, масло